

Никифор, архиеп. Константинопольский, свт. Разбор и опровержение невежественного и безбожного суесловия нечестивого Мамоны против спасительного воплощения Бога Слова / Пер. И. Д. Андреева; под редакцией М. Д. Муретова // Богословский вестник 1905. Т. 2. № 6. С. 65–80 (1-я пагин.). (Продолжение.)

тельномъ и гнусномъ, когда можно сказать виновнику всего этого такъ: такими дарами увѣнчиваютъ тебя твои измышленія, такимъ воздаяніемъ вознаграждаютъ тебя вопрошатели твоихъ мудрыхъ и искусныхъ рѣчей; къ столь великой чести привели тебя отвлеченные и возвышенные твои догматы. Не есть-ли все это безумнѣе бреда пьяныхъ, безразсуднѣе дѣйствій людей изступленныхъ и неистовствующихъ? Это отрывка людей, услаждающихъ свое чрево и горло. Таковы плоды пріятнаго ему навоза. Это разсужденія неумѣренныхъ изблеваній, псовой и свиной жизни и звѣрскаго права; это дѣйствія людей, выслѣживающихъ неразумныхъ животныхъ; это—поведеніе людей, погружающихъ руки въ христіанскую кровь и поднимающихъ десницу противъ Христа; это—изобрѣтеніе людей, обрѣзающихъ человѣческую плоть. Къ людямъ, держающимъ такъ мыслить, вполнѣ подходитъ это священное изреченіе: *юродъ бо юродивая изречетъ, и сердце его тщетная уразумѣетъ, еще глаголати ни Господа прелесть* (Ис. 32, 6). Ибо какой здравый умъ можетъ помыслить это? Люди, не лишенные разума, не могутъ такъ думать и говорить.

35.—Спаситель, даже когда Онъ по преизобилію милосердія выносилъ скорби и поруганія, когда былъ побиваемъ камнями, когда принялъ конецъ всѣхъ мученій—смерть, не претерпѣлъ этого. Неужели Онъ можетъ претерпѣть это на иконѣ? Напротивъ, какъ тамъ Слово не претерпѣло ничего по Своей природѣ и не отдѣлилось отъ плоти, но вмѣстѣ и нераздѣльно соприсутствовало ей во время ея страданій, такъ и здѣсь на изображеніи Оно не можетъ испытать ничего подобнаго. Вездѣ одинаково оно пребудетъ однимъ и тѣмъ же Словомъ истины. Какъ носившее образъ перстный и брENNую персть, Оно могло бы сказать

Мамонѣ: въ этомъ Я не неопиcуемо, а напротивъ опиcуемо. Такъ какъ тварь подверглась поруганію и истязаніямъ, то она также должна принять и ограниченіе пространствомъ и свойство быть опиcываемой и изображаемой, нисколько не отдѣляясь отъ соединеннаго съ нею и соприсутствующаго ей Слова.

36.—Если Мамонѣ непонятно, какъ это происходитъ, если ему недоступенъ смыслъ таинства, то онъ могъ бы спросить живописца и отъ него услышалъ и узналъ бы, разумѣется при томъ условіи, еслибы обладалъ твердымъ умомъ и не былъ лишенъ духовной воспримчивости, слѣдующее: мы пишемъ и изображаемъ то, чему научились изъ святыхъ Евангелій, согласно древнему отеческому преданію, переходившему отъ отцовъ къ дѣтямъ, и ничего не дѣлаемъ вопреки богодухновеннымъ изреченіямъ. И если послѣднія достойны почтенія, то и иконы или должны быть удержаны вмѣстѣ съ ними или же вмѣстѣ съ ними должны быть отвергнуты, какъ имѣющія одно и тоже содержаніе. Писанія научили насъ, что ипостасное Слово Божіе ради насъ содѣлалось человѣкомъ, обращалось среди людей, восприняло подобно намъ плоть и кровь, несотворенное стало тварію, Слово оделѣлось и стало плотію, невидимое содѣлалось видимымъ, безстрастное по челоуѣколюбію ради насъ приняло страданіе. И мы, слышавшіе гѣхъ, которые видѣли, вѣримъ этому, чтобы удостоиться блаженства: *блажени не видѣвшіи и вѣровавшіе* (Іоан. 20, 29). И такъ, что мы видѣли нашими очами вѣры и что мы осязали руками, то мы пишемъ (Іоан. 1, 1) и изображаемъ, не раздѣляя и не отдѣляя разъ навсегда соединенную съ Божествомъ плоть, ибо нелѣпо даже сказать это и крайне безумно помыслить объ этомъ. Мы изготовляемъ иконы и въ тоже время при-

знаемъ, что соблюдаемъ писанія, согласно издревле господствовавшему священному православному обычаю.

37. Если же ты не вѣришь въ Евангелія, то мы прекратимъ защищеніе и доказательства. Или принимай иконы, или же отвергай и Евангелія. Для насъ преданное по вѣрѣ является не менѣе достовѣрнымъ, чѣмъ то, что происходитъ подъ руками и предъ глазами; ты же не уразумѣлъ этого настолько, чтобы быть въ состояніи убѣдиться въ истинѣ того, потому что ты плотянь, никнешь къ землѣ и ничего не понимаешь въ нашихъ таинствахъ. При видѣ солнечнаго луча, падающаго на дерево или на другое что, подумаешь-ли ты, что когда дерево срублено, будетъ подрубленъ совершенно также и лучъ, не способный испытать это? И развѣ если бы кто изобразилъ фигуру солнца, отдѣлилъ бы тѣмъ солнце отъ свѣта? Или при видѣ раскаленнаго желѣза, еслибы его стали поливать водою, подумалъ ли бы ты, что вмѣстѣ съ огнемъ гаснетъ и уничтожается желѣзо, которое не имѣетъ свойства портиться отъ охлажденія и влаги и которое напротивъ, благодаря имъ, твердѣетъ и крѣпнетъ? Слѣдовало бы, чтобы Мамона тщательно понаблюдалъ эти явленія, подъ руководствомъ истины поразмыслилъ о природѣ ихъ и затѣмъ по этимъ примѣрамъ уразумѣлъ въ отношеніи къ предмету нашей рѣчи, что Слово не можетъ описываться съ плотію и что все наполняющее (Слово) не можетъ отдѣляться отъ нея, когда она изображается. Итакъ, многое говоритъ за то, что проповѣдуемое Мамоною есть не догматы, а бредни. Онъ болтаетъ хуже воронъ и лягушекъ, какъ безгласная рыба и безчувственный дубъ онъ злословитъ Христа и вѣру нашу.

38.—„Ибо невозможна такая икона, которая бы не

представляла формы и чертъ лица своего первообраза, каково оно есть“. Итакъ, если Христось имѣеть видъ и черты, то Его икона будетъ представлять Его совершенно прилично и благочестиво. Если же она представлять Его не будетъ; то Онъ оказывается не имѣющимъ вида, чертъ и лица, то есть Христось лишень ипостаси. Къ такому заключенію приводитъ рѣчь Мамоны. Такъ отъ словъ своихъ оправдается и отъ словъ своихъ осудится. И если вообще не возможно существованіе иконы, которая бы не представляла форму и черты лица своего первообраза, то и икона, представляющая намъ Христа, какъ подобіе, и съ именемъ Его хранившаяся христіанами,—причемъ надпись вполнѣ подтверждаетъ истину,—изображаетъ предъ нами видъ и лицо Его, какъ первообраза, ибо изготовляется именно въ подражаніе Ему. И теоретическія соображенія подтверждаютъ истинность нашей рѣчи. Если икона Христа изображаетъ не Его, то она не будетъ представлять образа и кого другого, ибо какъ она будетъ изображать того, кого она не есть икона? Образъ одного не можетъ быть подобенъ образу другого, какъ одна восковая печать не сходится съ другой. Мамона же сдѣлалъ именно это, когда отвергъ икону Христа на томъ основаніи, что она не имѣеть ни лица, которее должна бы представить и показать, ни первообраза, который должна бы изобразить. Итакъ, противъ воли онъ вынужденъ признать на основаніи собственныхъ рѣчей, что Христось безличенъ, безобразенъ и неизобразимъ, а также что Онъ лишень ипостаси. Именно поэтому возводя обвиненіе на живописцевъ, онъ подвергалъ ихъ истязаніямъ за то, что они изображали недѣйствительный образъ и не существующее лицо. Вслѣдствіе этого же онъ осмѣлился нечестиво прилагать ко свя-

щеннымъ изображеніямъ Христа названіе идоловъ, устанавливая этимъ, что Христось лишень лица и даже ипостаси, ибо говорятъ, что идоль есть изображеніе никогда не существовавшего, не подобіе, ибо онъ не имѣеть отношенія къ тому, чему уподобляется, а мнимый образъ, неразумно приготовляемый ваятелемъ. Таковы положенія, порождаемыя умомъ Мамоны, который не допускаетъ во Христѣ никакого внѣшняго образа. Но божественный Апостоль, разъясня Христову тайну, говоритъ намъ не только объ одномъ божественномъ, но еще и о другомъ образѣ—образѣ раба, говоритъ о Христѣ, содѣлавшимся подобнымъ человѣкамъ и по виду ставшимъ какъ человѣкъ (Филип. 2, 7). Посему слѣдуя Павлу и исповѣдуя во Христѣ два образа, являющія намъ два естества, мы признаемъ страстнаго подобно намъ человѣка имѣющимъ внѣшній видъ, описуемымъ. Но Мамону видъ человѣческій не приводитъ къ мысли объ описуемости; не внимаеть онъ и божественному Петру, который говоритъ, что *Богъ прослави отрока своего Иисуса* (Дѣян. 3, 13), и представляетъ этого Отрока безобразнымъ и безличнымъ. Чѣмъ же онъ считаетъ спину и ланиты, изъ которыхъ первая приняла бичеванія, а вторыя—удары, а также пронзенныя божественныя ребра и раны отъ гвоздей? Но все это для Мамоны вздоръ и суесловіе. Кажется, и въ этомъ пунктѣ Мамона имѣлъ своимъ учителемъ Евсевія, который пустословилъ, что человѣческій образъ Христа совершенно измѣнился и не сохранилъ присущихъ ему свойствъ. Когда Мамона уразумѣлъ, что никто изъ православныхъ не приметъ его праздно болтовни, то, разставшись съ словами, онъ перешелъ къ дѣлу, выступивъ явно въ качествѣ врага Христова, и съ того времени употреблялъ всѣ ухищренія и уси-

лія, поносивъ и отметалъ вмѣстѣ съ иконою и самый первообразъ и изглаждалъ память о немъ, ибо тяжело ему видѣть Христа на иконѣ. Затѣмъ какъ бы пришедши въ себя (при мысли), что Христосъ оказывается у него лишеннымъ лица и ипостаси, онъ подобно очнувшимся отъ горячечнаго бреда и избавившимся отъ безумія, обращается къ себѣ, возвращается на свою блевотину; снова заводитъ рѣчь о лицѣ и говоритъ:

39.—„Невозможно изображать лицо одного естества у того, кто состоитъ изъ двухъ естествъ при одномъ лицѣ, такъ что по другому естеству онъ оказывается безъ лица“. И теперь онъ настаиваетъ на своихъ положеніяхъ, однако не прежнимъ способомъ. Здѣсь онъ покидаетъ вопросительную форму, какъ бы забывъ свое же, не обращаетъ вниманія на прежнія измышленія и вскрываетъ свои взгляды, причемъ пользуется не логическимъ методомъ, ведетъ рѣчь не на основаніи доказательствъ отъ Писанія или отеческихъ, но дерзостно излагаетъ то, что позволяла ему его власть, нечистый умъ, тучное чрево, скверныя изблеванія, навозная грязь, а также безмѣрная страсть къ мірскому и низкому, чѣмъ онъ думалъ хвастаться и тѣшиться. Что онъ расточаетъ предъ нами праздныя и пустыя рѣчи, ясно каждому. Однако необходимо неустанно бороться съ этимъ невѣжествомъ благовременно и безвременно. Ничто не мѣшаетъ намъ, отправляясь отъ содержанія его рѣчи, довести его до противорѣчія и показать, что онъ явно борется съ самимъ собой. Слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что такъ какъ въ виду существованія единаго лица онъ говоритъ о невозможности изображать Христа по одному изъ двухъ естествъ и немного спустя подтверждаетъ это въ словахъ „икона

есть икона лица и потому божеское естество, какъ неопиcуемое, лица не имѣеть“, то для допущенія со-отвѣтствующаго его рѣчи противоположенія Мамона на основаніи мысли о томъ, что Христосъ изображаться не можетъ, долженъ былъ бы вывести заключеніе, что Онъ лишенъ лица и по другому своему естеству. Но это въ свою очередь невозможно. Въ данномъ случаѣ онъ вынужденъ былъ бы сказать, что при существованіи двухъ естествъ въ одномъ лицѣ, причемъ лицо одного естества неизобразимо, а другое естество лишено лица, невозможно мыслить Христа даже только Богомъ и, приписывая лицо только Его божеству, не изображать Его, потому что неизобразимое предполагаетъ неизобразимость лица, а между тѣмъ плоть опиcуема. Итакъ, рядомъ съ прежними нелѣпостями Мамоны и настоящія несообразности не менѣе явны. Онъ не избѣжалъ двойной пропасти, будучи уловленъ сѣтями своихъ рѣчей, ибо противъ воли вынужденъ былъ, хотя много трудился, а еще болѣе пустословилъ о неопиcуемости, признать Слово опиcуемымъ, чтобы не дѣлать вывода, что лицо относится ко одному только божескому естеству, а плоть остается безъ лица. Въ противномъ случаѣ ему необходимо придется мыслить Его невидимымъ, неосязаемымъ и безстрастнымъ и вообще допустить, что Оно не восприняло плоти. Но какимъ образомъ въ такомъ случаѣ онъ избѣжитъ богохульства докетовъ и фантасіастовъ? До сихъ поръ онъ не называлъ это лицо и ипостась простыми: иначе онъ долженъ былъ бы упразднить все домостроительство, что ясно высказать онъ опасается, такъ какъ оказалось бы, что онъ ниспровергаетъ всѣ наши таинства; ибо простое по природѣ не можетъ быть видимымъ, представляемымъ, страстнымъ; безстрастное же и нетлѣнное со-

вершенно непостижимо и недоступно пониманію. А это что есть иное, какъ не Богъ? Этого Мамона не говорить, а признаеть, что лицо сложно, утверждая, что оно имѣеть два естества, хотя и скрываетъ, какъ онъ представляетъ способъ ихъ соединенія. Онъ пытается при помощи одного слова *неописуемость* упразднить всѣ другія свойства!

Мы утверждаемъ, что ипостась состоитъ изъ двухъ противоположностей, какъ научаютъ насъ богословы: „явившійся Богъ съ воспринятымъ (человѣческимъ естествомъ), одно изъ двухъ противоположныхъ, т. е. плоти и духа“ (Григорій Богословъ). Невозможно, чтобы два естества, соединенныя въ одномъ существѣ, не были противоположны и различны. Ихъ различіе показываетъ уже число: если къ сложному прилагается число, то оно указываетъ на различіе природы (составныхъ частей) исчисляемаго. Если бы они были однимъ и тѣмъ же, то ихъ было бы не два, а одно, ибо какъ можетъ быть сложное при одномъ и томъ же естествѣ? Сложное говоритъ о различіи слагаемыхъ, а также о ихъ разнородности. Выслушаемъ отца, который, рассуждая о составѣ и твореніи чело-вѣка, созданнаго изъ естествъ видимаго и невидимаго, совершенно противоположныхъ другъ другу, замѣчаетъ: „онъ не былъ сліяніемъ двухъ, ни смѣшеніемъ противоположныхъ (составныхъ частей)“. Итакъ, почему же, называя ипостась сложною, онъ не признаеть соотвѣтственно и послѣдовательно свойствъ, подобающихъ естествамъ, въ ней мыслимымъ? Ибо если видимое противоположно невидимому, осязаемое неосязаемому, тлѣнное нетлѣнному, страстное безстрастному,—или еще какія-либо подобныя противоположности мыслятся объ одномъ и томъ же лицѣ Христа,—то почему же не можетъ мыслиться въ прило-

женіи къ нему антитеза описуемаго и неописуемаго? Кто допускаетъ, что плоть неописуема, тотъ утверждаетъ ничто иное, какъ то, что божеское естество ничѣмъ не отличается отъ человѣческаго, несотворенное отъ сотвореннаго, ибо отождествляетъ оба. И напрасно онъ поэтому и неумѣстно заводитъ рѣчь о двухъ естествахъ. Если не приписывать каждому изъ естествъ присущія имъ качества, изъ которыхъ они состоятъ, и отличительныя свойства, то почему же мы будемъ знать о естественныхъ различіяхъ и существенныхъ признакахъ? При такихъ условіяхъ пришлось бы противоположности называть тождественными, что недопустимо.

40.—Все это бредни и софизмы Аріанъ, Аполлинарія, Евтихія и секты смѣсителей и акефаловъ. Нѣкоторыя нижеприведенныя положенія ихъ могутъ показать, насколько отличаются отъ нихъ мнѣнія Мамоны. Такъ у нихъ есть слѣдующія мѣста: „такъ что говоря о плоти, что она имѣетъ лицо не собственное, а Божіе, мы признаемъ Бога въ Божеской славѣ“.—И еще: „если Родившійся отъ Дѣвы именуется единымъ Господомъ и есть Тотъ, чрезъ Котораго все произошло, то Онъ есть одно естество, ибо одно лицо не допускаетъ раздѣленія на два: вѣдь ни тѣло не есть особое естество, ни также божество во плоти не есть особое естество. Но какъ человѣкъ есть одно естество, такъ и Христосъ, бывшій въ подобіи человѣческомъ“. Такъ какъ Мамона говоритъ то же, то для послѣдовательности ему нужно было утверждать, что во Христѣ одно естество, составленное изъ двухъ, дабы, погрѣшая вмѣстѣ съ ними, не отставать отъ нихъ въ нечестіи. Поистинѣ болѣя ихъ безбожіемъ и богохульствомъ, онъ постарался отвергнуть великій и многолюдный святой соборъ, который, движимый Бо-

жественнымъ Духомъ, раскрылъ ученіе объ ипостаси и о естествахъ во Христѣ, ясно и отчетливо возвѣстивъ намъ таинство Божественнаго домостроительства.

Прежде всего слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что Мамона въ данномъ случаѣ утверждаетъ, что Христосъ *изъ двухъ естествъ*. Но я недоумѣваю, какъ это возможно для того, кто немного раньше отказывался приписывать Ему какой-либо образъ. Однако онъ отнюдь не говорилъ при этомъ, что Онъ и *во двухъ естествахъ* ¹⁾. Итакъ, не сливается ли и онъ въ слѣдъ за своими учителями естество ради единой ипостаси. Упраздняя описуемость, онъ явно отрицаетъ и прочія отличія плоти. Но говоря такъ, онъ не сохранить свойствъ и естества божескаго и не будетъ въ состояніи признать ипостась Господа ни описуемой, ни неописуемой, ибо такова сущность сліянія: оно не показываетъ ничего изъ того, что входитъ въ соединеніе, существующимъ самостоятельно, но чѣмъ-то инымъ, какъ это бываетъ въ вещахъ, измѣняющихъ другъ друга. Подобное этому можно наблюдать на смѣшеніи жидкостей, на сплавѣ металловъ, а также на составляемыхъ во врачебной наукѣ лѣкарствахъ и наконецъ на соединеніи составныхъ элементовъ въ тѣла, въ которыхъ ничего не существуетъ отдѣльно—ни огонь, ни земля, ни что другое. Совершенно такъ же думалъ Мамона и о двухъ дѣйствованіяхъ, мыслимыхъ во Христѣ. При одной ипостаси онъ долженъ былъ допускать и одно дѣйствованіе и такимъ образомъ выказать себя послѣдователемъ наставниковъ своихъ, учившихъ о сліяніи

¹⁾ Монофизиты въ виду возраженій православныхъ прибѣгали къ различію, что Христосъ состоитъ изъ двухъ естествъ, однако не *въ* двухъ.

и мнимомъ воплощеніи Господа. Какъ эти послѣдніе нечестиво и злокозненно нападали на двойственное число, которое чтили поборники истинной религіи и православнаго ученія, и затѣмъ выставляли это число, какъ причину раздѣленія ипостаси во Христѣ, такъ что допускали или два лица для двухъ естествъ или въ виду одного лица признавали неизбѣжно только одно естество, — такъ и Мамона, привязавшись къ слову *неописуемый*, изъ всѣхъ силъ добивается или того, чтобы при помощи его раздѣлить ипостась Христову, или того, чтобы Слово было соописуемо плоти. Ибо дальнѣйшая рѣчь его такова:

41.— „Но онъ (живописецъ) долженъ или описывать на иконѣ и божеское естество, ибо Христось (состоить) изъ двухъ (естествъ), или же представлять Его простымъ только человѣкомъ и такъ изображать Его, поскольку икона есть икона лица и поскольку божеское естество неописуемо“. На какомъ основаніи онъ утверждаетъ это? Мыслимо ли такое состояніе или нѣтъ? Онъ провозглашаетъ это, въ угожденіе своей глупости, произвольно, не обращаясь къ помощи истины. Мы же немного раньше говорили уже объ этомъ въ согласіи съ истиной, именно, что Божественное Слово по природѣ Своей безстрастно и, даже будучи въ тѣлѣ, пребыло тѣмъ не менѣе безстрастнымъ и совершенно чуждымъ того, что Ему приписываетъ праздная болтовня. И теперь тоже скажемъ кратко. Слѣдуетъ замѣтить, что Слово не только не можетъ описываться, когда описывается плоть, но Оно не описывается даже присутствуя въ тѣлѣ, которое соединено съ Нимъ существенно и нераздѣльно. Я думаю, что это извѣстно всѣмъ, если конечно вѣрить въ благовѣствованіе о содѣянномъ во время божественнаго снисшествія. Иначе какимъ образомъ

можно считать заслуживающимъ вѣры Іоанна, который свидѣтельствуеъ истину и говоритъ: *посредъ васъ стоитъ Егоже вы не въсте* (Іоан. 1, 26), указывая на Того, Кто еще присутствовалъ тѣлесно? И Самъ Спаситель Истина сказалъ Наѳанаилу: *прежде даже не возгласи тебе Филиппъ, суца подъ смоковницею видѣхъ тя* (Іоан. 1, 48). Пребывая тѣлесно съ учениками вдали отъ Вифаніи, Онъ провозвѣстилъ кончину Лазаря (Іоан. 11, 14). Послѣ воскресенія Онъ общалъ ученикамъ пребыть съ ними до скончанія вѣка (Мѣ. 28, 20). Зачѣмъ перечислять больше? Гдѣ двое или трое собраны во имя Его, тамъ Онъ общаетъ быть среди нихъ (Мѣ. 18, 20). Христіане собираются вездѣ; и Онъ вездѣ будетъ и,—какъ ясно всѣмъ,—именно по Своей неизреченной и таинственной природѣ, съ которою мы мыслимъ Его вездѣ и надъ всѣмъ. И божественныя изреченія возвѣщаютъ это: *еда небо и землю не Азъ наполняю* (Іерем. 23, 24). И еще: *Богъ приближаясь, глаголетъ Господь, а не Богъ издалеча* (Іер. 23, 23). И: *камо пойду отъ Духа Твоего; и отъ лица Твоего камо бѣжу*. И притомъ Самъ Онъ присутствуетъ во всемъ, но не все присутствуетъ въ Немъ, какъ говорятъ богословы. Изъ всего этого ясно, что Онъ присутствуетъ во всемъ по божеству, ибо тѣлесно Онъ не вездѣ присутствуетъ съ собравшимися. Онъ не присутствовалъ тогда, когда ученики говорили Ему: *и бѣсы повинуются намъ о имени Твоемъ* (Лук. 10, 17). Въ это время тѣло было въ какомъ-либо другомъ мѣстѣ. Итакъ, ясно, что по тѣлу Христосъ былъ описуемъ, чудеса же всюду творила необычайная и непобѣдимая сила Его имени. И не пророческимъ предвидѣніемъ и даромъ (да не будетъ!) Онъ дѣлалъ и предрекалъ это ученикамъ, какъ бы прозрѣвая будущее, но какъ Богъ вездѣ присутствующий

щій, и также не однимъ дѣйствованіемъ, какъ пусто-
 словили нѣкоторые изъ древнихъ, утверждавшіе, что
 Слово оставило небеса ипостасно во время божествен-
 наго воплощенія и пребывало съ нами по существу,
 а съ Богомъ и Отцомъ только дѣйствованіемъ и ве-
 личіемъ, ибо они полагали, что сущность и дѣйстви-
 ваніе одинаково отличны какъ въ существахъ тѣ-
 лесныхъ, такъ и въ Божественномъ Словѣ. Право-
 славные это отвергаютъ, ибо не признаютъ такого
 различія въ отношеніи къ существамъ простымъ и
 безтѣлеснымъ. И дѣйствительно сущность и дѣйстви-
 ваніе здѣсь не должны быть отличаемы, дабы не
 мыслить сложнымъ того, что превышаетъ всякую про-
 стоту. Ни сущность не можетъ быть безъ дѣйствова-
 нія, ни дѣйствованіе безъ сущности. *Отецъ Мой*, гово-
 ритъ Спаситель, *доселѣ дѣлаетъ и Азъ дѣлаю* (Іоан.
 5, 17). Сущность указываетъ на то, что Онъ пребы-
 ваетъ пресущественно, всегда Себѣ равенъ, остается
 неуклонно твердымъ и неподвижнымъ. Дѣйствованіе
 же указываетъ на промыслительные пути въ отно-
 шеніи къ сущему и на изслѣдимое управленіе, кото-
 рымъ онъ пользуется, не лишаясь Своей простоты,
 промышляя надъ всѣмъ. И хотя Онъ пребывалъ съ
 людьми, какъ истинный человѣкъ, но и не оставлялъ
 лона Отца; Отецъ былъ въ Немъ и Онъ въ Отцѣ
 (Іоан. 10, 38).—Итакъ, согласно тому, къ чему при-
 водитъ правильное разсужденіе, если Слово не опи-
 сывается въ собственномъ тѣлѣ, то не превыситъ ли
 мѣру всякаго безумія, тупости и нечестія утвержденіе,
 что Слово описывается вмѣстѣ съ описуемымъ тѣломъ,
 въ то время какъ Божественное Слово неопишимо?
 Возьмемъ (для разъясненія) однородное съ обсуждае-
 мымъ вопросомъ. Такъ какъ Слово присутствуетъ во
 всемъ, то весьма неразумно и крайне нелѣпо было

бы утверждать, что Слово отдѣляется отъ тѣла, если тѣло признать описуемымъ. Ибо если Слово не отсутствуетъ нигдѣ и не удаляется ниоткуда, то что можетъ быть правильнѣе утвержденія, что Оно всегда присутствуетъ въ собственномъ тѣлѣ, ипостасно съ Нимъ соединенномъ и описуемомъ, дабы такимъ образомъ сразу изобличилось странное и неразумное упорство нечестивцевъ? Если бы вся тварь, въ которой присутствуетъ Слово, какъ неопиcуемый Богъ, была неопиcуема, то ихъ соображенія имѣли бы какое-либо значеніе. Если же все описуемо, то чѣмъ вызывается это нелѣпое и жалкое стремленіе одно только Слово отдѣлить отъ тѣла? Поистинѣ такъ разсуждающіе и говорящіе ткуютъ паутину.

42.—Послѣ сказаннаго обратимся къ продолженію нашей рѣчи. Если Мамона утверждаетъ, что Христосъ изъ двоицы (естествъ), то (если только онъ желалъ сохранить то, что онъ называетъ этимъ славнымъ и знаменитымъ именемъ двоицы) онъ долженъ бы признать Христа описуемымъ по обоимъ естествамъ. Но такъ какъ онъ этого не признаетъ, то это сложное и дивное понятіе двоицы у него распадается. Особенность высокомѣрія и самолюбія состоитъ въ томъ, чтобы слишкомъ легко относиться къ предметамъ, выходящимъ за предѣлы обыкновеннаго, и явно заблуждаться тамъ, гдѣ можно постигать и излѣдывать. На основаніи того, что онъ говорилъ раньше, онъ долженъ былъ предчувствовать и догадываться, что выйдетъ у него изъ всего этого. Итакъ, онъ допускаетъ, что Христосъ состоитъ изъ двоицы? Вслѣдствіе этого Онъ конечно будетъ сложенъ, ибо простое несложно, а то, что изъ двоицы, сложно. Какое же отсюда заключеніе? Если божество неопиcуемо, потому что просто и несложно, то состоящее изъ двоицы

какимъ будетъ? Противъ желанія онъ долженъ сказать, что оно будетъ описуемымъ. Притомъ самое понятие сложности необходимо предполагаетъ описуемость. Такимъ образомъ вездѣ онъ оказывается въ противорѣчьи и съ истиннымъ ученіемъ и съ самимъ собою. Противъ его соображеній слѣдуетъ сказать еще слѣдующее. Онъ полагаетъ, что постигъ таинство Христово, но онъ не знаетъ и не видитъ того, что у его ногъ. Разъ отклонившись отъ праваго и царскаго пути, онъ идетъ по крутизнѣ, покатою съ обѣихъ сторонъ.

Итакъ, онъ хочетъ заставить своихъ слушателей силою доводовъ выбрать одно изъ двухъ. Первое: или живописующіе Христа вынуждены впадать въ двоякій грѣхъ. Первый: или вмѣстѣ съ иконою описывать и божество ради одинаго лица, которое, какъ говорятъ, состоитъ изъ двоицы, или же представлять Христа простымъ только человѣкомъ и соглашаться такимъ образомъ съ безуміемъ Несторія. Второй: живописцы, стараясь избѣгнуть этого, не должны изображать Его совѣмъ, чтобы такимъ образомъ впасть въ зловѣріе Мамоны, т. е. пристать къ противной сектѣ фантасіастовъ, совершенно отпавшихъ отъ истины, каковой сектѣ усердно радѣетъ Мамона, утверждая съ одной стороны, что Христосъ состоитъ *изъ двоицы*, а съ другой—вездѣ отказываясь признать, что Христосъ *въ двоицѣ*, т. е. въ двухъ естествахъ. Въ такомъ случаѣ ученіе о божественномъ воплощеніи извращалось бы совершенно. Церковь, избѣгая этихъ нелѣпостей и удерживаясь богоприлично отъ уклоненія въ ту или другую изъ этихъ крайностей, шествуя среднимъ и прямымъ путемъ, держится только одной истины, исповѣдуетъ и чтитъ православно и свято домостроительство Христово. Разсуждающій же подоб-

но Мамонѣ дѣлаетъ нѣчто похожее на то, какъ если бы кто при видѣ многихъ оттисковъ, произведенныхъ на воскѣ золотымъ перстнемъ, сталъ утверждать, что или золото, отпечатлѣвающее оттиски, смѣшалось съ воскомъ, или же вырѣзанная на перстиѣ надпись совершенно отъ него отделилась и отдѣлилась. Или какъ если бы кто, наблюдая изображеніе огня, какъ часто мы видимъ огненные круги и пламя на картинахъ съ херувимами, —ибо въ такомъ видѣ богословы созерцали ангеловъ,—подумалъ, что жаръ отъ огня описывается вмѣстѣ съ матеріаломъ, или что изображаемый огонь лишается своего существеннаго свойства. Если думать и говорить это неразумно и невозможно, то еще болѣе неразумны и невозможны разсужденія Мамоны: они суть изверженія мысли невѣжественной и поврежденной. Ибо если упомянутые предметы не претерпѣваютъ ничего въ своей природѣ, то какъ же преестественное и безстрастное Слово можетъ быть или описано съ плотію или отдѣлено отъ нея, когда она описывается, или претерпѣть что другое, если Оно не описывается даже въ пречистой плоти Его, съ которой соединено существенно? Между тѣмъ этотъ мудрецъ долженъ былъ знать и вѣрить, согласно съ догматами христіанскими, что божественное Слово, желая спасти нашъ родъ спасительнымъ Своимъ явленіемъ, восприняло непостижимо и неизреченно въ Свою ипостась и объединило съ Собою все описуемое, живописуемое и изобразимое естество наше, которое и послѣ воспріятія навсегда останется изобразимымъ и описуемымъ. И если бы описуемое тѣло это не было воспринято, то оно не было бы и спасено, ибо не усвояемое не можетъ быть уврачевано, какъ говорятъ богословы. Затѣмъ Мамона прибавляемъ слѣдующее: